

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

Ленинградский ордена Ленина
и ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени А. А. Жданова

ГОРОД И ГОСУДАРСТВО В АНТИЧНОМ МИРЕ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Межвузовский сборник

Ленинград 1987

Все приведенные данные позволяют говорить о том, что статистическая обработка надгробий свидетельствует о процессе разрушения полисно-античных традиций на уровне семьи, а там, где эти традиции сохраняются, — о чисто внешней их роли, о разрыве между традицией и реальными отношениями. Упадок античной полисной жизни, который хорошо прослежен на уровне политической и общественной структуры полисов римского времени,казал свое влияние и на семью — важнейшую ячейку древних обществ.

Выводы, которые мы смогли сделать на основе материала только трех районов, как нам кажется, вселяют надежду на то, что обработка надгробных и посвятительных надписей из разных районов расширит наши представления о жизни людей древнего мира, сделает целый ряд исторических гипотез более обоснованными.

Н.О.Харламова

СИМОНИД КЕОССКИЙ КАК РАННИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ГРАЖДАНСКОЙ ЛИРИКИ

В ряду греческих поэтов-лириков, творчество которых падает на период формирования демократического полиса и отражает этот сложный исторический процесс, особое место принадлежит Симониду Кеосскому. В нем, по праву, можно видеть не просто фигуру переходного периода, но именно одного из первых идеологов гражданского общества.

Симонид родился в Иулиде на о.Кеос около 557/6 г., умер в 463/7 г. в Акраганте. Первоначально деятельность поэта протекала на его родном острове, где в городе Картея он обучал хор. Выдвинувшись там благодаря своим способностям, он был приглашен в Афины Писистратидом Гиппархом. При дворе этого тирана сложился особенный круг литературно-музыкальной элиты. В него входили поэт Анакреонт, поэт и теоретик музыки Лас. Симонид, по-видимому, уже в это время был достаточно знаменит — Платон сообщает, что Гиппарх пригласил Кеосского поэта, обещая большое

вознаграждение (Hipp., 228c). После гибели Гиппарха Симонид некоторое время жил при дворах фессалийских династов — Скопадов и Алевадов. Пребывание в Фессалии довольно отчетливо отражено в сохранившихся фрагментах стихов Симонида. Накануне Греко-персидских войн мы вновь застаем Симонида в Афинах в контакте с вождем афинской демократии — Фемистоклом. Античные свидетельства говорят о плодотворном и длительном сотрудничестве поэта и политика. Остаток своих дней престарелый поэт провел в Сицилии в общении с тиранами Гиероном Сиракузским и Фероном Акрагантским. При его посредничестве удалось предотвратить вооруженный конфликт между двумя этими правителями. В Сицилию в это время съезжались многие знаменитости, среди которых были Эсхил, Пиндар, Бакхилид. Симонид был особо отличен Гиппархом среди других поэтов: он привлекал к себе не только литературным талантом, но также известным всем остроумием и мудростью¹.

Значение Симонида в развитии греческой литературы трудно переоценить. Он не только был универсальным поэтом и с легкостью работал в любом из традиционных жанров лирической поэзии, но, по праву, считается создателем новых поэтических форм. Такие жанры как эпиникий и эпиграмма, бывшие до него в зачаточном состоянии, становятся благодаря ему популярными и социально значимыми. Редкая одаренность этой личности особенно ярко проявляется в том, как он умел передавать разнообразные оттенки человеческого настроения. Ему равным образом удается пока — зать в простых и трогательных выражениях остроту постигшего человека горя (недаром выражение "симонидовы слезы" стало поговоркой, ср.: Катулл, XXXVIII, 8) и высокий гражданский пафос, которым проникнуты стихотворения в честь героев Греко-персидских войн.

I Подробнее о Симониде см.: Семенов А.Ф. Симонид Кеосский. Его жизнь и поэзия. Киев, 1903; Новосадский Н.И. Лирика // История греческой литературы. М.; Л. 1946. Т. I. С.252-254; Чистякова Н.А. Греческая эпиграмма VII - VIII вв. до н.э.. Л., 1983; Geffcken J. Simonides aus Keos // RE. 1927. 2.Reihe. Bd.3. Sp. 186-197; Bowra C.M. 1) Early Greek Elegists. Cambridge, 1938; 2) Greek Lyrical Poetry. Oxford, 1961; Kraus W: Simonides // Der Kleine Pauly. (1975) 1979. Bd.5. Sp. 204-205.

Наследие Симонида очень разнообразно: он писал эпиникии, пеаны, гипорхемы, гимны, френы, партении, сколии, дифирамбы. Френы и гипорхемы Симонида благодаря их задушевности пользовались огромной популярностью и привлекали больше внимания, чем высокопарные френы Пиндара. Сохранились отрывки френов Симонида в память фессалийских Скопадов, а также Антилоха и Лисси-мака — лиц нам неизвестных; кроме того френ, посвященный Дане. Лейтмотивом проходит в его френах мысль о превратностях человеческой жизни, о страданиях, которые являются общим уделом всех — не только людей, но и богов (fr. 31 Bergsk)². Именно здесь отчетливо проявляется философское отношение к жизни Симонида, свойственный ему общий меланхолический настрой. От гипорхемов Симонида сохранилось только три фрагмента, которые не дают нам возможности оценить мастерство поэта в этом жанре.

По-видимому, Симонид не знал себе равных в дифирамбических стихотворениях, хотя до нас не дошло ни одного отрывка. По его собственным словам он выиграл 56 дифирамбических агонов (fr. 145).

Как уже отмечалось, на новый уровень Симонид поднял жанр эпиникии. Говоря об эпиникиях Симонида, Н.И. Новосадский подчеркивает, что поэт обладал умением представить положительные черты человека, мог подметить индивидуальные его качества, что необходимо для эпиникии³. Эта особенность таланта Симонида — способность уловить главное в характере человека — делала его непревзойденным и в жанре эпиграммы. Приписываемое ему выражение, что "живопись есть молчаящая поэзия, а поэзия — говорящая живопись" (Plut. Mor., 346f) отличает как раз эту сторону его искусства.

Для нас Симонид более всего известен как мастер эпиграммы. В его эпиграммах — надгробных и посвятительных — нашли отражение великие события его эпохи, поэтому для историка они представляют исключительный интерес. Некоторые из них содержат ценную информацию, например, о вкладе сиракузских тиранов в общее

дело освобождения Греции (fr. 141). Как в надгробных, так и в посвятительных эпиграммах новый акцент приобретает тема славы. В глазах поэта личный подвиг человека доставляет славу не только ему одному, но также и всему полису (fr. 99, 125). Это — взгляд человека, выражающего полисную идеологию. Симонид, человек, несомненно, аристократического происхождения, нигде не выказывает пренебрежения к демосу, он чужд предрассудку знати, будто бы доблесть присуща только людям благородной крови⁴. С одинаковой силой чувства он прославляет и храбрость гоплитского войска (fr. 105), и отвагу афинских всадников (fr. 108). Иногда Симонид обращается в своем творчестве к традиционным аристократическим темам — дружбы и гостеприимства (fr. 118). Сам Симонид, верный древнему обычью ксении, составляет надпись на могиле прорицателя Мегистия, погибшего при Фермопилах (fr. 94), с которым, как сообщает Геродот (УП, 228), он был связан узами гостеприимства.

Античная литература представляет Симонида как сложную, противоречивую фигуру. Цицерон и другие писатели называют его мудрецом, традиция приписывает ему многие популярные изречения, изобретение искусства мнемотехники. На своих современников он воздействовал не только поэзией, но и удивительным даром четко выражать мысль, быстро и остроумно реагировать на любые события и ситуации. Симонид обладал большим обаянием, умением располагать к себе людей, внушать к себе уважение — при дворах многих правителей он был желанным гостем. Возможно именно эту черту личности поэта имел в виду Лессинг, называя Симонида "греческим Вольтером"⁵.

Вместе с тем в античной традиции встречаются суждения, характеризующие его как стяжателя. Ксенофонт называет его κίμβη⁵ — скряга (Athen., XI, 73, р. 656 а), Аристофан говорит, что ради наживы он поплыл бы и на соломинке (Schol. Aristoph. Pax,

⁴ Ср.: Тронский И.М. История античной литературы. Л., 1946. С. 89.

⁵ Лессинг Г.Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. М., 1957. С. 67.

² Ср.: Новосадский Н.И. Указ. соч. С. 253.

³ Там же.

у, 685). В современной литературе его часто обвиняют в политической беспринципности на том основании, что он прославляет убийц Гиппарха, хотя прежде пользовался гостеприимством Писи - стратидов и посвящал им хвалебные стихотворения.⁶

Обвинения в стяжательстве Симонид, по-видимому, заслужил тем, что одним из первых стал работать на заказ. Его творчество имеет практическую заостренность. Он не отказывается составлять надписи для отдельных лиц, получает государственные заказы (например, в fr.89 подчеркивается, что памятник возведен *δημόσιᾳ* - за общественный счет). Поэт, зарабатывающий себе на жизнь своим талантом, был еще необычной фигурой в ту раннюю эпоху. И только с развитием демократии интеллигент - будь то живописец, скульптор или поэт - становится важным, даже необходимым элементом полисной структуры. Обвинение Симонида в политической беспринципности, связанное с переменой его отношения к Писистратидам, на наш взгляд, не оправдано. Нет ничего удивительного в том, что молодой поэт, прибывший с Кеоса в Афины - центр культурной жизни Эллады, естественно, мог воспользоваться покровительством Гиппарха, а позднее, под впечатлением побед греков, воодушевленный мужественной решимостью демократических Афин отстоять свою независимость, стал критичнее относиться к тираническому правлению Писистратидов. Необходимо в этой связи вспомнить и то, что главное содержание архаической эпохи - это борьба демоса и аристократии за политическое господство, и что тирания - режим, возникший в процессе этой борьбы, и была направлена как раз против аристократии. Симонид же, как мы уже отмечали выше, никогда не разделял предубеждений старинной знати и с самого начала и до конца своих дней держался умеренных взглядов, характерных для человека полисного общества. Уже поэтому обвинения Симонида в непоследовательности и беспринципности несостоятельны. Более того, Симонид сыграл важную роль в формировании полисной идеологии. Одним из первых среди поэтов-лириков он стал призывать гражданскую общину к

⁶ Новосадский Н.И. Указ. соч. С. 255; Магарми Дж.П. История классического периода греческой литературы. М., 1882.

единству: не конфронтация между отдельными социальными группами, а сплоченность всех граждан, по мнению поэта, - залог благополучия государства. Симонид пересматривает и древнюю концепцию аристократической *χρετή*, провозглашая, что истинная доблесть заключается в преданности гражданина своему полису, его законам. Именно этот момент подчеркивается в эпиграмме, посвященной героям Фермопильской битвы: верность законам и нравственным требованиям полиса (fr.92). По мнению поэта, полис является главным учителем в жизни человека: *πόλις ἀνδρα* *διδάσκει* (fr. 67).

Лучше всего судить о личности и взглядах кеосского поэта можно по его эпиграммам - этой наиболее полно сохранившейся части его литературного наследия. Ниже мы приводим в новом нашем переводе важнейший блок их, именно те эпиграммы, которые на первых порах и представляли по-преимуществу этот жанр античной литературы⁷.

НАДГРОБНЫЕ ЭПИГРАММЫ СИМОНИДА

1 (89)⁸

Пленникам вечным ущелья Дирфейского насыпь
Здесь над Эврипом возвел в память погибших народ.
Что ж эта честь нам по праву: мы с юностью милой расставшиесь,
Приняли грозную тень сумрачной тучи войны.

2 (90)

На Марафоне афиняне, встав за защиту Эллады,
Блещущих златом мидян мощь сокрушили в бою.

3 (91)

Против трех сот мириад здесь некогда бились четыре
Тысячи славных мужей Пелопоннесской земли.

4 (92)

Лакедемонянам, странник, поведай, что здесь мы навеки
Все как один полегли, их исполняя завет.

⁷ Перевод сделан по изданию: Poetae Lyrici Graeci / Recens.

⁸ Первая цифра означает номер эпиграммы в настоящей публикации, цифра в скобках - номер по 4-му изданию собрания Т. Бергка.

5 (93)

Этих, что пали в бою, защищая Элладу от мидян,
Чтит благодарный Опунт, праведных локров оплот.

6 (94)

Славного эта могила Мегистия. Некогда персы,
Воды Сперхея пройдя, здесь сокрушили его.
Сам прорицатель, он ведал, что близится страшная гибель,
Все ж разделить пожелал участь спартанских вождей.

7 (95)

Здесь, Леонид, покрывает земля тех мужей, что с тобою,
Спарты прославленной царь, пали в неравном бою.
Множество стрел и напор неистовой конницы персов
Приняли в грозной войне храбро они на себя.

8 (96)

О чужеземец, мы граждане в прошлом цветущего морем Коринфа,
Ныне же нам Саламин, остров Аянта - приют.
Здесь, захватив корабли финикийцев, и персов, и мидян
Мы от Эллады святой рабства ярмо отвели.

9 (97)

В крайней когда оказалась беде вся Эллада святая
Мы защитили ее, жизнью своей заплатив.
Чтоб не изведала рабства, на персов обрушили беды
С яростью мы - навсегда грозный запомнят урок.
Наши останки хранит Саламин, а отчизной Коринфом
В честь наших ратных заслуг памятник здесь возведен.

10 (98)

Вот Адеманта могила. Совету его повинуясь.
Эллины вновь обрели пышный свободы венец.

II (99)

Неувядаемой славой отчизну они увенчали -
Сами ж окутаны мглой горестной смерти навек,
Но среди мертвых бессмертны: из скорбных чертогов Аида
Память о славных делах их возвращает к живым.

12 (100)

Если прекрасная смерть есть высшая доблести мера,
То среди всех эту честь нам уделила судьба,
Ибо стремясь отстоять для священной Эллады свободу,
Мы полегли, но навек славой покрыли себя.

13 (101)

Дети Афин истребили несметные полчища персов,
Чтоб не коснулся позор рабства земли их отцов.

14 (102)

Мужество этих людей не позволило, чтобы взметнулся
Дым от зажженной врагом пышной тегейской земли.
Были в стремлении едины: цветущий свободою город
Детям оставить, самим - в первых погибнуть рядах.

15 (103)

Будем же помнить всегда их, лежащих под этой плитой,
Пав за Тегею, спасли край, что стадами богат -
Кольями бились за город, чтобы свободу Эллады
Не потеряла, когда б эту опору смели.

16 (104)

Возле Византия кто погиб, защищая привольный
Рыбообильнейший край, дерзкие в схватке бойцы..

17 (105)

Юность они потеряли, когда возле Эвримедонта
Лучшим мидийским стрелкам дали достойный отпор
Копьями в пешем строю и на судах быстроходных,
Пали, оставив живым доблести ратной пример.

18 (106)

Длинные стрелы омыл в груди мужей этих славный
Неукротимый Арес темно-пурпурным дождем
Вместо погибших, встречавших удары, остались надгробья
Мертвые вместо живых, в недрах скрывая их прах.

19 (107)

Счастье свободы спасая для эллинов всех и мегарян,
Без колебания мы приняли смерти удел,

Кто над Эвбейской скалою, где луконосной богини
Храм Артемиды стоит, девы, внушающей страх,
Кто на Микальской горе, а иные же пред Саламином
Мощь финикийских судов в трудном бою сокрушив,
На беотийской просторной равнине дерзнули другие
В схватку бесстрашно вступить с конницей быстрой врага.
Граждане нам за отвагу в награду воздвигли в Нисее
Памятник этот не зря в центре самом агоры.

20 (I08)

Ратных вершители дел, прощайте, покрытые славой
Лучшие дети Афин, первые в конном бою!
Отдали юность свою вы за пышные нивы отчизны,
Эллинов многих напор храбро приняв на себя.

21 (I09)

Их, отвозящих дары от добычи терренской для Феба,
В море одном, в одну ночь, участь настигла одна.

22 (II0)

Я средь зверей всех сильнее, средь смертных - кого под
плитою
Каменной этой теперь здесь стерегу день и ночь,
Но если б дух мой могучий Леонт не имел, мое имя,
То не поставил бы лап я на гробницу его.

23 (III)

Гиппия, доблестью всех превзошедшего живших в Элладе,
Дочь Архедику навек эта покрыла земля,
Муж и отец ее были тиранами, также и братья,
Дети ее, но сама - скромного нрава пример.

24 (II2)

Память и впредь сохраню о супруге Архенавтея,
И не позволю из жен лучшей безвестной лежать -
Славной прекрасной Ксантиппе из рода того Периандра,
Что своей властью держал высокостенный Коринф.

25 (II3)

Лишь я увижу могилу Мегакла, всегда сокрушаюсь,
Каллий несчастный, о сколь ты беспримерно страдал.

26 (II4)

Если бы злобный утес, окутанной мглой Геранеи,
Истр озидал и вдали Танаис в скифской земле,
А не стоял бы вблизи у пучины Скиронова моря
Бозле заснеженных скал Молуриады седой !
Ныне ж в пучине мертвец, и пустые гробницы напрасно
Здесь о невзгодах морских напоминают живым.

27 (II5)

Так говорил Тимомах, на руках отца умирая,
Выпала доля ему - в лучших угаснуть летах:
"Тиманарид, не забудешь ты нежно любимого сына,
Вспомнишь не раз ты, скорбы, скромность и доблесть его".

28 (II6)

Так сказала Горго, прошаясь с матерью милой,
Горько рыдая, рукой шею ее обхватив:
"Возле отца оставайся, роди дочь другую, счастливей,
Чтобы согрела она старость седую твою".

29 (II7)

Злая болезнь! Отчего ты души людей разлучаешь
С юностью сладкой, когда жить нам милее всего?
Вот отняла у Тимарха, жестокая, лучшие годы,
Прежде, чем деву назвал милой супругою он.

30 (II8)

Я Феогнида гробница, что род свой ведет из Синопы.
Здесь меня Главк водрузил, дружество давнее чтя.

31 (II9)

Тело чужая земля покрыла; в море Эвксинском
Бурном настигла тебя смертная доля, Клисфен.
Странствуя, сердцу желанного ты возвращенья на Кеос,
Остров открытый волнам, в отческий дом не достиг.

32 (II0)

Праведныйстыд Клеодема при устье широком Теэра
Вечнотекущей реки, к горестной смерти привел,
В схватке с фракийцами жизнь потеряв, копейщик отважный
Имя Дефила-отца вечной славой покрыл.

33 (I21)

Всякий печалится только, когда умирают родные.
О Никодике ж друзья, весь этот город скорбит.

34 (I22)

Имя мое Теодор. Кончиной моей ты доволен,
Кто-то твоей будет рад – всем нам судьба умереть.

35 (I23)

Здесь Питонакта земля и брата с ним вместе скрыла,
Прежде, чем каждый узнал юности пышный расцвет.
Им их отец Мегарист гробницу из камня воздвигнул,
Вечную – мертвым, стремясь детям своим угодить.

36 (I24 A)

О человек, могилу поденщика видишь – не Креза,
Пусть этот холм не велик, мне он удобен вполне.

37 (I24 B)

Брачного ложа Горгипп не вдав, ты в покой Персефоны
Златоволосой сошел, в наш неизбежный приют.

38 (I25)

Данд здесь лежит быстроногий. Обильной конями отчизне –
Аргосу славу побед в беге на стадион стяжал.
На Олимпийских играх – два, в Пифии – три раза.
На Истме два и трижды раз по пять в Немее.
Все ж остальные победы его и счастье невозможно.

39 (I26)

Спинтеру эту гробницу скорбящий отец здесь поставил.

40 (I27)

Критянин я – Братах из Гортиньи здесь похоронен,
Прибыл – не смерть здесь найти, но по торговым делам.

41 (I28)

Зевс Страннолюбец, воздай убийцам моим той же мерой,
Тем, кто меня скончал, радости жизни продли.

42 (I29)

Здесь Симонида, кеосца, безвестный спаситель, который
Пользу немалую смог мертвый живому принести.

43 (I30)

Белые кости твои, я верю, и в этой могиле
Ужас вселяют во всех диких, Ликада, зверей.
Пыль твой охотничий помнят Пелиона горные кручи,
Осса, смотрящая вверх, и Кифарона холмы.

Комментарии⁹

I(89) По мнению Т.Бергка, данная эпиграмма является эпиграфией афинян, погибших в войне с халкидянами в 506 г. до н.э. Однако текст надписи не позволяет сделать какой-либо окончательный вывод и нет особых оснований считать ее посвященной афинянам.

Дирфий – гора в Эвбее.

Эврип – пролив между Эвбеей и беотийско-аттическим побережьем.

2(90) Т.Бергк считает, что данная надпись, действительно, была высечена на памятнике афинян, павших в марафонской битве.

3(91) Очевидно, это подлинная эпиграмма, вырезанная на памятнике погибших у Фермопил спартанцев. Приводится у Геродота (УП, 228), Диодора (XI, 33) и др. Надпись была составлена на дорийском диалекте.

4(92) Эпиграмма посвящена спартанцам, павшим и погребенным у Фермопил. Часто цитируется древними авторами, например, Геродотом (УП, 228), Диодором (XI, 33). Цицерон перевел ее на латинский язык (*Disp. Tuscul.*, I, 101).

5(93) Эпиграмма посвящена локрам, павшим при Фермопилах. Геродот (УП, 228) не упоминает ее в числе надписей, сделанных на стелах, которые были поставлены амфикиониями, однако позднее все-таки стела, посвященная погившим локрам, была установлена (*Strabo*, IX, 425).

6(94) Надпись на гробнице акарнанца Мегистия, прорицателя в отряде Леонида. По свидетельству Геродота, Мегистий пер-

⁹ Основными пособиями при составлении комментариев послужили указанные выше работы Т.Бергка, А.Ф. Семенова и Н.А. Чистяковой.

вый предсказал по внутренностям жертвенного животного гибель эллинов у Фермопил. Леонид отоспал его, чтобы он не погиб вместе с ним. Однако Мегистий сам не пожелал покинуть спартанцев, несмотря на приказ. Геродот также сообщает, что Симонид посвятил данную эпиграмму Мегистию в память о дружбе (УП, 218, 221, 228).

Сперхей - река в Фессалии.

7(95) Принадлежность данной эпиграммы Симониду была поставлена под сомнение уже в древности. Т.Бергк и другие новейшие исследователи также не признают его авторства.

8(96) Данная эпиграмма подлинная, она была найдена на камне, но, в отличие от литературной традиции, содержала только два первых стиха.

9(97) По словам Плутарха (*De Her. malign.*, 39), эта надпись была вырезана на кенотафе коринфян на Истме. Последние четыре стиха большинство исследователей считают поздней подделкой.

10(98) Возможно, эта надпись, действительно, находилась на гробнице Адеманта, командовавшего коринфской эскадрой в саламинской битве. Авторство Симонида Т.Бергк отрицает на том основании, что Симонид, находясь в дружбе с Фемистоклом, не стал бы приписывать славу спасителя Эллады недругу последнего - Адеманту (*Her.*, УП, 58 сл.).

11(99) - 12(100) Павсаний сообщает (IX, 2,5), что на памятнике афинян и лакедемонян, погибших в Платейской битве, были вырезаны эпиграммы Симонида, но не приводит их. Т.Бергк полагает, что эти две эпиграммы и есть те самые, о которых говорит Павсаний, причем первая, по его мнению, посвящена афинянам, вторая - лакедемонянам.

13(101) Из текста не ясно, к какому именно эпизоду Греcko-персидских войн относится данная эпиграмма.

14(102) - 15(103) По-видимому, обе эти эпиграммы относятся к платейской битве. По мнению Т.Бергка, первая была вырезана на могиле, а вторая - на кенотафе погибших тегеатов. Смысл последних двух стихов 15(103) эпиграммы не ясен, что вызвало

различные суждения. Некоторые считают, что содержание эпиграммы относится к событиям войны между тегеатами и спартанцами в первой трети V века. Возможно, это место испорчено (Н.А. Чистякова. Указ. соч. С.100). В понимании смысла эпиграммы мы следуем Т.Бергку.

16(104) Очевидно, эпиграмма относится к походу Павсания (478 г. до н.э.) на Византий, захваченный персами (Thuc., I, 94). Н.А.Чистякова вслед за некоторыми другими исследователями, полагает, что здесь "речь идет о тех афинянах, которые погибли в 476 г. до н.э. во время похода Кимона на освобожденный от персов, но захваченный Павсанием Византий" (С.119). Незавершенность конструкции данной эпиграммы свидетельствует, что надпись, по-видимому, сохранилась неполностью.

17(105) Эпиграмма относится к победе афинского полководца Кимона над персами при реке Эвримедонт (южное побережье Малой Азии) в 469 г. до н.э. (Diod., XI, 60-62). Кажется, что эта эпиграмма была высечена на стеле в афинском Керамике (ср.:Равс., I, 29,13). Т.Бергк отрицает возможность ее составления Симонидом, поскольку Симонид умер в 468/7 г. до н.э., находясь в Сицилии. По мнению Т.Бергка, эпиграмма была составлена каким-то другим современным поэтом, а позднее приписана Симониду.

18(106) Повод составления этой эпиграммы определить невозможно.

19(107) В литературной традиции эпиграмма не сохранилась. Текст дошел на каменной стеле, найденной в Нисее - торговой гавани Мегар. Памятник был воздвигнут в V в. до н.э. С течением времени надпись стерлась и была восстановлена стараниями некоего "первосвященника" Гелладия в IV или V в. н.э., о чем сообщает предшествующая эпиграмме запись. Стихи предваряются словами: "Сочинил Симонид". Эпиграмма прославляет подвиги мегарян, погибших в войнах с персами при Артемисии, Микале, Саламине и Платеях.

20(108) Помимо литературной традиции, эпиграмма частично сохранилась также на камне, найденном в Афинах. Т.Бергк предполагает, что здесь речь идет о битве афинских всадников у Элевсины со спартанским царем Клеоменом во время его вторжения в

Аттику в 506 г. до н.э. (Нег., У, 74 - 77).

21(I09) В Палатинской антологии эпиграмма приводится в двух вариантах: в первом варианте вначале читается ποτ' ἐκ Σῆρας ταῖς, во втором — ἀτὸς Τύρρηνῶν. Вместе с Т.Бергком признаем правильным второй вариант. Очевидно, погибшие мореплаватели были посланы тираном Гиероном после победы над этрусками близ Кум.

22(I10) По предположению Т.Бергка, в эпиграмме речь идет о трезенце Леонте, которого персы захватили в плен незадолго до битвы при Артемисии и принесли в жертву богам как самого краивого и самого сильного из первых греческих пленников (Нег., УП, 180).

23(III) Согласно Фукидиду (УI, 59), надпись была вырезана на могиле дочери Лисистратида Гиппия, который выдал ее замуж за Эантита, сына Гиппокла, тирана Лампсака, где она и была похоронена.

24(I12) Эта и большая часть следующих эпиграмм посвящены лицам, о которых практически ничего не известно. Упоминаемый в эпиграмме Периандр был тираном Коринфа в 627-587 гг. до н.э.

25(I13) Мегакл и Каллий, судя по их именам, — афиняне, больше о них сказать нечего.

26(I14) По-видимому, эпиграмма сохранилась неполностью — нет имени потерпевшего кораблекрушение.

Герания — горная цепь в Мегариде.

Скироново море — залив на границе между Аттикой и Мегаридой, называемый так по имени легендарного разбойника Скирона.

Молуриада — скала в Скироновом заливе.

32(I20) Теэр — река во Фракии.

36(I24 A) — 37(I24 B) В Палатинской антологии эти эпиграммы соединены вместе. Разделение произвел Т.Бергк.

38(I25) Стадиодрома Данда из Аргоса Диодор (XI, 53) называет победителем на 77-й Олимпиаде (472 г. до н.э.).

41(I28) — 42(I29) С этими эпиграммами связывают популярное в древности предание, о котором, в частности, рассказывает Цицерон (*De divin.*, I, 27,56 и II, 65,I34): "Симонид однажды .

увидев труп незнакомого ему человека, лежавший на дороге, предал его земле. Симонид собирался в скором времени совершил плавание по морю. И вот во сне ему явился тот, кого он похоронил, и предупредил его, чтобы он не ездил, если же поедет, то погибнет при кораблекрушении. И Симонид отказался от поездки, а другие, отплывшие на том корабле, все погибли".

43(I30) По словам Полидевка (У, 47), Симонид прославляется в приводимой эпиграмме фессалийскую собаку Ликаду. Авторство Симонида ставится часто под сомнение на том основании, что мы не знаем ни одной эпитафии собаке раньше Ш.в. до н.э. Н.А. Чистякова на основе стилистического анализа, на наш взгляд, убедительно доказывает древность данной эпиграммы и возможность авторства Симонида (С.II6).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Публикуемый сборник способствует разработке центральной темы современного антиковедения — проблемы античного города-государства, гражданской обороны, полиса. Результаты исследования, отраженные в статьях, вошедших в сборник, несомненно, будут учтены учеными и преподавателями, работающими в области истории древнего мира. В частности, при чтении общих и специальных курсов по проблемам античной истории могут быть использованы наблюдения над природой и характером античного города, уточнения важнейших процессов формирования древнегреческой государственности, кризиса и судеб полисного государства в эллинистический и римский периоды, создания новой системы державного монархического государства — Римской империи. Свое место найдут в курсах по истории греческой и римской культуры и политической идеологии выводы об истоках гражданской морали у древних греков, о форсированном развитии утопических идей в период кризиса традиционного полисного строя в древнем Риме. Все эти наблюдения и выводы, содержащиеся в статьях публикуемого сборника, естественно, послужат толчком к дальнейшему развитию исследований по кардинальным проблемам античной, полисной цивилизации.